

СТРАШНАЯ СКАЗКА, СТРАШНАЯ ПРАВДА

В 1947 году Хорхе Луис Борхес опубликовал рассказ *Deutsches Requiem* — «Немецкий реквием», — после которого на него мгновенно набросились с обвинениями едва ли не в сочувствии к нацизму. Впрочем, обвинения были тем яростнее, чем менее обвинители были способны опровергнуть основной тезис: Вторая мировая война оставила необратимые последствия. Третий рейх был явлением настолько запредельным для носителей традиционной морали, что для борьбы с ним самой морали пришлось измениться, сделать допустимым и дозволенным то, о чем до сих пор невозможно было и помыслить. Не так уж важно, в конечном счете, кто победил, раз «на Земле будет отныне царить сила, а не рабий христианский страх», — а именно этого нацисты и добивались. Победители вернулись, инфицированные побежденными, с уверенностью в том, что они, победители Дракона, отныне правы во всем и что никакая правота не стоит ничего, если она не подкреплена грубой силой. Но победивший Дракона всегда рискует тем, что может превратиться в Дракона сам. Впрочем, это мысль уже не Борхеса, а Шварца.

Концепция, безусловно, спорная и политекстурному гиперболизированная. Однако без оглядки на нее мы никогда не сможем понять, почему дети победителей, войдя в возраст, первым делом подняли бунт против отцов, прошедших через ад.

«Шестидесятые» Америки были временем без морали, сгоревшей в пожарах мировой войны; временем, когда торжество прагматичной силы толкало человечество к ядерному апокалипсису — а СМИ всю трубили о необходимости новых бомб и ракет; когда на смену едва затухшей Корейской войне готовился прийти Вьетнам. Времени, когда бессмысленная жестокость стала не просто допустимой, а само собой разумеющейся.

«ЕСЛИ БЫ Я ЗНАЛА, ЧТО ОНО БЕЗОБИДНОЕ, Я БЫ УБИЛА ЕГО САМА». Эти слова, которые в «Помутнении» произносит молодая девушка «из приличных», полностью встроена в окружающий ее социум, исчерпывающе описывают и этот социум, и то, почему героини Дика не желают иметь с ним ничего общего. Та причина, по которой шестидесятые стали временем, когда колоссальное количество молодых людей отказались вписываться в предназначенные им «уверенными папами» рамки. Отказались от будущего, в котором они могли стать исключительно винтиками предельно рациональной машины — и ничем более. Впрочем, о поколении «детей победителей» написано предостаточно.

Новое поколение, не желающее принимать мир таким, каков он есть, и не имеющее средств для его изменения, просто ушло. В толкиновский бум и в рок-н-ролльное веселье, в хипповские коммуны и в свободную любовь, во всевозможную эзотерику — и да, в наркотический дурман.

Реальность «Помутнения» — это шестидесятые, растянувшиеся до бесконечности, причем не только для центральных персонажей. Кстати сказать, датировать события романа удастся с легкостью: Роберт, главный герой, однажды обмолвился, что родился в 1962 году. Учитывая, что ему примерно тридцать пять лет, получаем вторую половину 90-х. Для нас это уже прошлое, причем совсем иное, так что из антиутопии книга давно перешла в ведение «альтернативной истории» — не потеряв при этом своей шокирующей актуальности.

Надо сказать, что мир спустя полтора десятка лет (роман написан в 1972-м) не слишком переменялся даже с учетом специфического образа жизни персонажей. Достаточно отметить, что для связи по-прежнему используются уличные телефоны-автоматы. Научно-технический прогресс ограничился разве что появлением костюма-болтуни, обеспечивающего надевшему его полную анонимность, да загадочного цефалохромоскопа, любимой игрушки Роберта Актора.

Между прочим. Если об устройстве и назначении пресловутого цефалохромоскопа споры не утихают с момента выхода романа и по сей

день (можно лишь предполагать исходя из названия, что он способен проецировать в мозг некие цветные калейдоскопические образы), то «болту-нья» — потрясающая авторская находка. Именно с выступления секретного агента, чья внешность скрывается под этим костюмом, начинается роман. Подлинная личность героя скрыта, как будет она скрыта от читателя, в общем, до самого конца. Человек, чьи лицо и фигура растворены, вытеснены сотнями тысяч фрагментов других лиц и фигур. Что это? Метафора невидимого стража всего человечества, которым может оказаться любой? Этаким супергерой, живущий бок о бок с нами, обычный парень, способный в мгновение ока встать на борьбу со злом? Или наоборот — человек, безнадежно потерявший свое «я» в потоке постоянно меняющихся личин? А может быть, и то и другое разом, одновременно? Полагаю, и на этот вопрос читателю лучше ответить самостоятельно.

И, конечно, препарат С. Препарат Смерть. Наркотик чудовищно разрушительной силы, на котором в романе «сидят» все. Впрочем, его прототипом, разумеется, был героин.

Проще всего было бы отнести «Помутнение» к одной из историй об ужасах наркомании, продолжающей череду предостережений, начатую еще в 1822 году Томасом де Куинси «Исповедью англичанина, употреблявшего опиум» и продолженную многими последующими поколениями литераторов. Однако Дик не был бы Диком, ограничься он лишь этим смысловым слоем.

Начнем с названия. Здесь имеется в виду вовсе не помутнение сознания в результате применения соответствующих веществ, как можно было бы подумать. Речь идет ни много ни мало о библейской аллюзии — словах апостола Павла о том, что человек видит мир «как бы сквозь тусклое стекло», а подлинная картина проясняется лишь после смерти. Собственно, роман именно об этом: истина открывается герою только в самом конце, когда от него самого уже практически ничего не остается.

Итак, агент Фред под личиной Роберта Аркто-ра внедряется в среду наркоманов. Он в стане врага, он выглядит и действует как враг — ба, да это же штандартенфюрер СС Отто фон Штирлиц в новой своей инкарнации! Этот пласт — шпионско-детективный — вообще, как правило, ускользает от исследователей романа Дика. Между тем именно на этом плане автор обосновывает тот факт, что в едином теле фактически уживаются два абсолютно разных и даже антагонистических человека. Фред не притворяется Робертом, попав в его квартиру. Он *становится* им, полностью меняя и манеру поведения, и ценностный набор, и вообще все то, что определяет личность. Однако вот наркоман Роберт выходит из дому. Проходит несколько десятков метров, отделяющих его от телефонной будки. Заходит внутрь. И агент Фред снимает трубку, набирает номер, готовый сделать доклад о своих наблюдениях за «нехорошей квартирой» и ее обитателями — один из которых,

некто Роберт Арктор, кажется ему особо подозрительным... Ситуация, с одной стороны, совершенно шизофреническая, к тому же усугубленная регулярным приемом незаконных препаратов. С другой — только так и может работать глубоко законспирированный разведчик.

Однако если Фред может лишь наблюдать за Робертом, по мере сил стараясь вывести его на чистую воду, то возможности Роберта куда шире — учитывая, что принимаемый им «препарат С» действует на их общий организм.

По ходу действия романа мы видим, как личность Фреда претерпевает изменения, постепенно разрушаясь — пока наконец сама возможность исполнения им своих профессиональных обязанностей не становится сомнительной. И тогда... Впрочем, о перипетиях этой драмы читателю куда интереснее будет узнать самому, чем в моем неуклюжем пересказе.

Главное то, что наконец происходит долгожданный катарсис: обе личности сливаются в единое целое. Фред исчезает — но не раньше, чем Роберт Арктор завершает свою метаморфозу, после которой от него не остается даже имени. Роберт больше не нуждается в маске Фреда, ему больше не надо скрывать свою сущность наркомана, чтобы сохранять статус в среде «приличных», служа которым он и превратился в то, чем стал. Его миссия завершена, он довел свое расследование до конца. Теперь он знает, кто, зачем и где выращивает «препарат С». Понимает, как устроена вся

система этого производства, — но происходит это лишь тогда, когда он становится частью Системы. Точнее — не раньше, чем осознает, что всегда был ее частью. И даже то, что вконец ополоумевший наркоман Баррис с его бредовой теорией о том, будто «препарат С изготавливается в некоей стране, которая намерена расправиться с США», был в известной степени прав.

Впрочем, к этому моменту самого Роберта уже тоже нет: есть Брюс, несчастнейшее и в то же время абсолютно умиротворенное существо, которое в конце своего пути получает ответы на все вопросы. Вот только ни эти, ни какие-либо другие вопросы его больше уже не волнуют. Как и было обещано названием, мир из тусклого, «помутненного» становится ясным, принимает подлинный вид — пусть даже вид этот ужасен, ведь взгляд на него — взгляд из ада.

На этом заканчивается история персонажа — но не история вообще. Работающие под личиной наркоманов агенты следуют тем же путем, с тем же предсказуемым финалом. Колесо продолжает свое вращение, не оставляя ни малейшего шанса на то, что появится кто-то, способный остановить его. Человеческая жизнь превращается в единый, бесконечно повторяющийся день с его полным надежд рассветом, разрушительными испытаниями дня, вечерней разбитостью и неизбежной чернотой ночи. И так будет всегда, потому что именно так работает Система. И это еще один сквозной образ в творчестве Филипа Дика — образ государ-

ства-Молоха, делящего свое существование за счет монотонной переработки лучших в ничтожнейших.

И последнее.

«Помутнение» завершается списком тех, кому посвящен роман. Это имена реальных людей, испытавших на себе разрушительное воздействие наркотиков, с кратким резюме их дальнейшей судьбы. Для большинства таким резюме стала сухая констатация: «нет в живых». Так вот. В этом списке, который в своей беспощадной правдивости куда страшнее любого, самого изощренного вымысла, есть и такая строка: «Фил — необратимые изменения поджелудочной железы». Спустя пять лет после написания «Помутнения» именно эти изменения свели Филипа Киндред Дика в могилу.

И с полным основанием можно сделать поправку: «Фил — нет в живых».

Аркадий Рух

ПОМУТНЕНИЕ

Глава 1

Жил на свете парень, который целыми днями вытряхивал из волос букашек. Терпя от них неслыханные мучения, он простоял как-то восемь часов под горячим душем — и все равно букашки оставались в волосах и вообще на всем теле. Через месяц букашки завелись в легких.

Не в силах ничего другого делать и ни о чем другом думать, он начал исследования жизненного цикла букашек и с помощью энциклопедии попытался определить, какой конкретно тип букашек его одолевает. К этому времени букашки заполонили весь дом. Он проработал массу литературы и наконец решил, что имеет дело с тлей. И с тех пор не сомневался в своем выводе, несмотря на утверждения знакомых: мол, тля не кусает людей...

Бесконечные укусы превратили его жизнь в пытку. В магазине «7—11», одной из точек бакалейно-гастрономической сети, раскинутой почти по всей Калифорнии, он купил аэрозоли «Рейд», «Черный флаг» и «Двор на замке». Сперва опрыскал дом, затем себя. «Двор на замке» подействовал лучше всего.